

Людмила
Саницкая

ВХОДИТ ОСЕНЬ В СТИХИ...

ДЕРЕВЬЯ

Деревья, примите меня в свою стаю!
Деревья, во сне я ведь тоже летаю.
Как вы, отрываясь с листвой от земли,
В которую всем существом проросли.

Деревья, у вас терпеливые души.
Внимать вам и шелест,
как музыку, слушать,
К шершавой коре прижимаясь щекой,
Вдохнуть вашу мудрость, печаль
и покой.

Деревья, сомкните шумящие кроны,
Укройте всех нас, неразумных,
зелёных,
Пока ещё к вашим корням не ушли.
Пока есть деревья у нашей земли...

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ

Ещё и травы не пробились к свету,
И грязный снег истаял не везде,
Но увертюра к молодому лету
Уже звучит в серебряном дожде.

Уже нас обнадёжил куст набухший,
Что скоро его веткам зеленеть...
И вот уж наши зябнущие души
Опять готовы жить, любить, звенеть!..

У МОРЯ

Здесь в солнечный праздник
легко обращаются будни,
сиятельный день не стремится
погаснуть и спать,
и море блистает и ластится к небу,
и будто
задумалось время
и тихо отправилось вспять.

Сегодня, возможно,
всего лишь немного за сорок,
а завтра – за тридцать,
а там – там от силы каких-то три дня –
на узкой тропинке,
петляющей медленно в гору,
ты слушаешь море
и ждёшь, как обычно, меня.

КРЫМ

Там воздух был, наполненный,
как чаша
Вина, дрожащего у кромки хрустала.
За горизонтом горбилась земля
Не менее прекрасная, чем наша,
Зелёным распростертая руном,
Что прежде было океанским дном.

Там было море – россыпь серебра,
Живое и поющее создание.
Как музыка, звучало мирозданье,
И не было ни завтра, ни вчера.

Там замок был – над морем, на холме,
Опаловый, седой, жемчужно-серый,
Между земной и меж небесной сферой,
В оправе стен, терявшихся во тьме.

В нем жили львы – у мавританских врат
Из мрамора изваянные стражи.
И шум прибоя доносился с пляжа,
И сказочных растений аромат.

И это пиршество, и щедрость через край,
Весь мир, блистающий для нас
и перед нами,
Всё было – юность, обреченный рай,
И смуглый бог с оленьими глазами...

* * *

Входит осень в стихи,
как в давно обжитые покои,
плащ повесив у входа
и мокрые сняв башмаки,
и опавшей листвой
осыпает строку за строкою,
отправляя к зиме
провожающим взмахом руки.

Белый вязаный плат
у холодной зимы наготове,
и рукою подать
до её ледяной немоты.
Но сквозь мартовский снег
прорастёт моё тихое слово
и прольётся ручьём,
напоив городские цветы.

РОТОНДА В БРАТЦЕВЕ

Глухой вечернею порой,
Окутана зелёной сеткой,
Как полонянка под чадрой,
Белоколонная беседка.
Она в седые времена
В усадьбе над речной долиной
Была творцом наречена
Ротондой «Храм Екатерины».

Знаток любовных авантур,
Крылатый баловень Венеры,
Лукавый мраморный Амур
Здесь, под узорной полусферой

Когда-то ладил свой колчан
И слал божественные стрелы...
Теперь лишь ветер по ночам
Поёт в жилище опустелом.

И над ревушей кольцевой,
Под рубищем зелёной сетки,
Стоит, забытая Москвой,
Белоколонная беседка.

ЧАСЫ

Мой дом жилищем многочасовым
был назван как-то гостем в одночасье.
Тогда был дом весёлым и живым,
и тёплым от нечаянного счастья.

И правда, обитали в нём часы,
во всех углах беседуя ритмично.
Для вящего порядка и красоты
творили время строго и привычно.

А после сбились с ритма, стали врать,
а то и вовсе тихо замирали...
Кукушка перестала куковать,
каминные безбожно отставали.

Меж ними, как меж гранями миров,
стояла жизнь, похожая на вечность.
Зима стелила скудный свой покров,
и осень простиралась в бесконечность.

Но стало утро. И большая ель
за окнами стряхнула снег с иголок,
и оказалось, что вокруг – апрель
и что к часам уже вернулся голос.

Взялась кукушка годы куковать,
одаривая щедро и без счёта...
А на столе пристроилась тетрадь
с вчерашней неоконченной работой.

ДЕЖА ВЮ

За то, что так долго и верно живу
 В горниле грохочущем стольного града,
 Бывает, и мне выпадает награда –
 Миражная, зыбкая явь дежа вю.

Беседка в заросшем жасмином саду.
 Аллея с медовым дыханием липы.
 Кузен-подпоручик, ещё не убитый.
 Гнедой жеребец у него в поводу.

Ржавеющий вензель над аркой ворот.
 Из окон – аккорды, светло и негромко...
 А то, что всё это – киношная съёмка,
 Не так уж и важно. Не так уж и в счёт.

* * *

Песчинка-слово, спугнутое ветром,
 Укрылось где-то меж твоих высот,
 Поэзия, духовный заповедник,
 Оставив пару маленьких пустот.

Так в пазле жизни остаются дыры
 С отлётом тех, дарованных судьбой –
 Друзей, врагов, соседей по квартире,
 Одной дорогой спаянных с тобой.

И заживляешь тающие ткани,
 Лагаешь обветшавшие края –
 Простой молитвой, памятью,
 стихами –
 На сквозняках земного бытия.

ДОМ ТВОРЧЕСТВА. ПЕРЕДЕЛКИНО

Всё тот же Дом, пленяя и маня
 Наивностью и ветхостью ампирной,
 Всегда не замечающий меня
 В задумчивом молчании надмирном,

Он так же светит сквозь узор листвы
 Молочной белизною колоннады.
 А мне довольно гроз, дождя, травы,
 Чтоб стать своей в запущенности сада

И поспешить захлопнуть ноутбук
 И в путь пуститься по сырой тропинке...
 А ночью слушать отдалённый стук
 Старинной, верной пишущей машинки*.

МАНЬЧЖУРСКИЙ ОРЕХ

Мне, пришлой гостье, неумехе,
 Собравшей рифм минорных горсть,
 Внимало дерево ореха,
 Что тоже тут, пожалуй, гость.

Свидетель, слушатель, болельщик
 За всех, кто жил здесь и живёт, –
 Орех маньчжурский – перебежчик
 Из экзотических широт.

Поклонник малых и великих,
 Имён классических и дел,
 Чьи лица, а вернее – лики
 Хранитель-Дом запечатлел,

Орех всё ниже гнётся долу,
 Роняя острые листья,
 Но вновь и вновь приносит Дому
 Плоды эдемской красоты.

ДОЖДЬ

Приходит дождь, подкравшись
 тихой сапой,
 С упрямством осени,
 с прохладой октября,
 Готовый лить и моросить, и капать,
 И возникать ни свет и ни заря,

Расцветивать зонтами тротуары,
 Свергаться водопадами из труб...
 И осторожной каплею нектара
 Касаться и волос твоих, и губ.

И на холсте осеннего ненастья
 Под переплески маленьких ладош
 Творить узор негаданного счастья
 И уверять, что это просто дождь.

* Существует легенда, что по ночам здесь работают старые писатели, когда-то жившие в Доме.

* * *

*«В одну реку нельзя войти дважды».**Гераклит Эфесский*

Деревья клонятся нагие –
Совсем как много лет назад.
Холодный ветер ностальгии
Сегодня выстудил твой сад.

И ты припоминаешь числа
Из давних взлётов и глубин,
Где были сущностью и смыслом
Лишь я одна, лишь ты один.

Ты прикасаешься к смартфону
И говоришь, что тёмен сад...
А мне слышны свирель и звоны –
Совсем как много лет назад.

И у реки одной и той же
С её молочною волной
Стоим, не становясь моложе,
Но той же сущностью одной.

* * *

Все те, с кем было больно и крылато,
Глядящие сейчас издалека,
Вы так мне были дороги когда-то,
Что до сих пор оплавлена строка.

Хоть жизнь её вот-вот испепелится,
Как всё, что плоть и тлен,
Но слово о любви звучит и длится
И после нас, в эпоху перемен.

И к трезвым, будничным, не верующим в чудо,
Закованным в житейскую броню
Оно слетит, как благовест, оттуда,
Где я его на время схороню.

